

Социокультурное пространство столичного мегаполиса в ценностных установках жителей

Екатерина Владимировна

КАРГАПОЛОВА

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: K474671@list.ru

ORCID: 0000-0002-2892-3953; ResearcherID: O-6734-2017

Андрей Петрович

КОШКИН

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: Koshkin.AP@rea.ru

ORCID: 0000-0003-2331-5497; ResearcherID: T-1005-2018

Андрей Вадимович

НОВИКОВ

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: Novikov.AV@rea.ru

ORCID: 0000-0001-9863-0104; ResearcherID: AAF-7836-2019

Для цитирования: Каргаполова Е.В., Кошкин А.П., Новиков А.В. (2026). Социокультурное пространство столичного мегаполиса в ценностных установках жителей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.11

For citation: Kargapolova E.V., Koshkin A.P., Novikov A.V. (2026). The socio-cultural space of a capital megalopolis in the residents' value orientations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 209–227. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.11

Аннотация. Цель исследования – анализ системы ценностей населения как индикатора социокультурного пространства столичного мегаполиса, отражающего динамичные, зачастую полярные векторы глобальных трансформаций. Основной исследовательский метод – опрос жителей Москвы на основе Типовой методики «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Научная новизна заключается в определении степени разобщенности морально-нравственных скреп москвичей, что выражается прежде всего в дефиците поддержки ценностей, нечеткости интегрирующего аксиологического ядра. Показано общее и особенное в структуре ценностей жителей столицы по таким социально-демографическим характеристикам, как пол и возраст. Проведен сравнительный анализ полученных среди москвичей данных с результатами исследования системы ценностей жителей других регионов России по аналогичной методике. По доминирующим ценностным установкам, детерминирующим ориентиры социального поведения (миграционные установки, социальное самочувствие, удовлетворенность работой, приоритеты взаимодействия и т. п.), выявлены три группы респондентов – «индивидуалисты», «традиционалисты», «волонтаристы». Проведено распределение и анализ полученных эмпирических результатов по функционально-ориентирующим кластерам ценностей. Предпринята попытка выяснить причины полученных результатов, среди которых унифицирующее воздействие глобализации, динамичное развитие альтернативных реальному миру виртуальных медиатизированных пространств, наполненных аксиоризомами, потребительством и культом удовольствий. Также сформулирована авторская позиция по изучаемому вопросу, суть которой заключается в том, что сохранение роли Москвы как глобального города, центра потребления и потребительства, «Вавилонской башни» противоречит задаче возвращения столицы к роли духовного центра страны. В условиях развития России как государства-цивилизации требуется дальнейшее укрепление морально-нравственных устоев всего российского общества и тем более жителей столичного мегаполиса.

Ключевые слова: социокультурное пространство, ценности, мегаполис, столица, глобальная трансформация.

Введение

Социокультурное пространство – это «система мировоззренческих установок, норм, ценностей, символов и их объективаций в той или иной культуре» (Мажитова, 2011, с. 132), позволяющая раскрыть онтологическое единство социума, культуры и человека, духовных и материальных аспектов деятельности людей (Литвиненко, 2003); «перманентный процесс созидания смыслов и событий» (Шакирова, 2013, с. 180), «конструированное смысловое местоположение социума, в котором отражена его культурная специфика»¹, детерминирующая формирование индивидуальной и коллективной (социальной) идентичности (Колинько, 2007). Как отмечает С.А. Храпов, «в иерархии общественных духовных феноменов – социокультурное пространство является первичным и наиболее емким, включающим такие определяющие

культурные феномены, как язык, социальная память, менталитет, социальное бессознательное, общественное сознание, социокультурная идентичность, *habitus*» (Храпов, 2016, с. 834).

По мере интенсификации процессов урбанизации растет роль городов в формировании социокультурного пространства современности. Кроме того, появляются собственно городские социокультурные пространства – динамично развивающиеся организмы (Постников, 2008, с. 7), особые типы социальной организации, которые «наиболее отчетливо проявляются в социальной топографии, отличаются спецификой интеллектуальной и художественной деятельности, особым укладом жизни, мировоззрением и мировосприятием различных слоёв городского населения» (Адаменко, 2011, с. 4).

Города становятся центрами и зеркалами жизни общества, воспроизводства и развития общественных отношений (Сайко, 2011, с. 8), зачастую трансляторами смыслов на неурбанизированные территории. «Каждый город

¹ Шакирова Е.Ю. (2015). Аксиологический ризоморфизм современного социокультурного пространства: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. Уфа. 43 с. С. 11.

обладает уникальным социокультурным пространством, которое выступает не просто нейтральным фоном, а является неким конструктом — пространством смысла, создаваемым людьми в ходе коммуникативного взаимодействия и отражающим культурную специфику социальной организации изучаемого социума...». Таким образом, с одной стороны, социокультурное пространство города формируется его жителями и определяется их творческой энергией, а с другой, являясь своеобразным «контекстом» ... обыденной действительности, влияет на мировосприятие горожан и их самоопределение» (Захарова, 2017, с. 22).

При этом пространство столичного мегаполиса формирует смыслы, выходящие за пределы его территориальных границ, в силу, во-первых, динамизма жизни большого города, во-вторых, его центральной роли в пространстве страны. Особенно велика роль таких мегаполисов в периоды системных кризисов, по выражению Президента РФ, «тектонического процесса глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности. И, безусловно, этот период будет длительным и болезненным. Здесь не надо питать иллюзий»².

Методика и методы исследования

Ценности как индикатор состояния социокультурного пространства

Исследование мегаполиса сквозь призму пространственного подхода является средством интерпретации и прогнозирования городской жизни (Mohamed, 2026). В рамках социокультурного подхода «пространство города с заложенными в него смыслами задаёт координаты культурного существования людей в рамках определённых территориальных границ» (Захарова, 2017, с. 22). Основу социокультурного пространства составляет система мировоззренческих универсалий, наиболее значимых ценностно-символических ориентиров³ (Гаври-

лина, 2019, с. 26; Бернюкевич, 2022, с. 14), на которых базируется система «отношений индивида к окружающему его миру и его отношений с другими индивидами» (Григорьева, 2011, с. 97).

Рассмотрим систему ценностных ориентаций москвичей по методике Н.И. Лапина (Лапин, 2010) на базе результатов инициативного социологического исследования «Наш город», проведенного в декабре 2023 года исследовательской группой кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова под руководством доктора социологических наук, профессора Е.В. Каргаполовой.

Был проведен опрос среди жителей Москвы по апробированной с 2006 года в 30 регионах Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (руководители на федеральном уровне: член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Н.И. Лапин, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель ЦИСИ ИФ РАН Л.А. Беляева)⁴.

Цель исследования — анализ системы ценностей населения как индикатора социокультурного пространства столичного мегаполиса, отражающего динамичные, зачастую полярные векторы глобальных трансформаций.

Метод исследования — онлайн-анкетирование (N = 1070). Тип выборки — целевая, для чего несколько лет нашей исследовательской группой разрабатывается алгоритм реализации онлайн-анкетирования по заданным квотируемым признакам. Анкетеры получают задание — опросить респондентов из целевой группы по квотам. В данном исследовании были установлены квоты по полу и возрасту. В гугл-форме респонденты указывали фамилию анкетера и свою контактную информацию, что позволяло осуществлять контроль работы анкетеров.

² Путин В.В. (2012). Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Вестник Российской нации. № 2–3 (22–23). С. 66–71.

³ Тулиганова И.В. (2009). Социокультурное пространство современного города: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Специальность 09.00.01 — социальная философия. Саратов. 18 с. С. 8.

⁴ Более подробно о Типовой методике см.: (Лапин, Беляева 2010). Некоторые результаты по данной методике см.: (Соколова, 2023; Когай, 2023; Агафонова, Ромашкина, 2024; Андрианова, 2024; Валиахметов, Туракаев, 2024; Груздева, Жданова, 2024; Груздева, Когай, 2024а; Когай, 2024b; Маркова и др., 2025; Соколова, Калачикова, 2025).

В итоге половозрастная структура опрошенных респондентов соответствует структуре генеральной совокупности населения Москвы: опрошено 43,2% мужчин и 56,8% женщин, 27,7% молодежи (от 14 до 35 лет включительно), 46,7% взрослых (от 36 до 59 лет включительно), 25,6% пожилых (старше 60 лет)⁵.

Методы математической обработки информации включали расчет взвешенных средних

баллов по 10-балльной шкале, ранжирование, распределение по кластерам в соответствии с методикой Н.И. Лапина, факторный и регрессионный анализ.

Результаты

При анализе системы ценностей на основе результатов эмпирического исследования жителей Москвы видно, что ни одна из ценностей не вошла в интегрирующее ядро (табл. 1).

Таблица 1. Ценностные предпочтения населения Москвы, взвешенный средний балл по 10-балльной шкале / ранг

Ценность	Балл	Ранг	
1. ИНТЕГРИРУЮЩИЙ КЛАСТЕР ЦЕННОСТЕЙ			
а) интегрирующее ядро (свыше 8,8 балла)			
б) интегрирующий резерв (7,81–8,79 балла)			
Самое ценное на свете — это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах	Жизнь человека	8,74	1
Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	Порядок	8,61	2
В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	Общительность	8,19	3
Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям	Независимость	8,14	4
Главное в жизни — забота о своем здоровье и благополучии	Благополучие	7,96	5
Свобода человека — это то, без чего его жизнь теряет смысл	Свобода	7,91	6
Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	Семья	7,89	7
ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ КЛАСТЕР ЦЕННОСТЕЙ			
а) оппонирующий дифференциал (6,0–7,80 балла)			
Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни	Работа	7,41	8
Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Инициативность	6,94	9
Главное — это уважение к сложившимся обычаям, традициям	Традиция	6,86	10
В любых условиях красота делает человека лучше и чище	Нравственность	6,74	11
Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя	Жертвенность	6,01	12
б) конфликтогенная периферия (5,99 балла и меньше)			
Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	Властность	3,94	13
Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека	Своевольность	3,74	14
СРЕДНИЙ БАЛЛ ПОДДЕРЖКИ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ 7,08			
СРЕДНИЙ БАЛЛ ПОДДЕРЖКИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ (порядок, благополучие, работа, общительность, нравственность, властность) 7,14			
СРЕДНИЙ БАЛЛ ПОДДЕРЖКИ СОВРЕМЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (жизнь человека, свобода, независимость, инициативность) 7,93			
СРЕДНИЙ БАЛЛ ПОДДЕРЖКИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (традиция, семья, жертвенность, своевольность) 6,12			
КОЭФФИЦИЕНТ СОВРЕМЕННОСТИ/ТРАДИЦИОННОСТИ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТЕЙ 1,29			
Источник: составлено авторами.			

⁵ Распределение по возрастным группам проведено в соответствии с законодательством РФ и классификацией ВОЗ. Самый старший опрошенный среди наших респондентов — в возрасте 91 года.

Такая же ситуация была выявлена в Курской области по результатам исследования того же 2023 года (Маркова и др., 2025); а в Астраханской области — по результатам опроса населения 2016 года, что свидетельствовало о маргинальности сознания населения приграничного региона, обусловленной и историческими особенностями освоения территории, и глобальными трансформациями последних десятилетий. В социокультурном пространстве столичного региона — современной Москвы — также проявляется некоторая разобщенность ценностного сознания населения.

Отметим, что в других регионах России, участвовавших в эмпирических исследованиях по методике Н.И. Лапина в 2023 году, в интегрирующее ядро ценностей вошли от двух до шести ценностей, среди которых порядок, инициативность, общительность, благополучие, семья, жизнь человека, независимость. Из представленных регионов меньше всего (две) — в интегрирующем ядре ценностей в Башкортостане и больше всего в Свердловской области и Чеченской Республике⁶ (Груздева, Жданова 2024; Маркова и др., 2025). В Москве такие ценности зафиксированы в интегрирующем резерве, на первом месте по степени поддержки находится ценность жизни человека (с минимальным отрывом в 0,06 балла от интегрирующего ядра), далее следуют ценности порядка и общительности, независимости и семьи, последняя замыкает группу ценностей интегрирующего резерва.

Перемещение ценности жизни человека из интегрирующего ядра в интегрирующий резерв, то есть снижение степени их поддержки может проявлять степень дегуманизации человеческих отношений, духовно-нравственного кризиса: ценности семьи — усиление атомизации, ценностей общительности и порядка, формальных (порядок) и неформальных (общительность) правил, скреп выстраивания межличностных и социальных отношений, соблюдения правовых

норм, сохранения моральных устоев, что всегда высоко ценилось в обществе, — дезорганизованность общественной жизни.

Большинство жителей Москвы не разделяют ценности оппонирующего дифференциала. Они перестали служить интеграторами и начали выполнять функцию сохранения и изменения структуры статусов и ролей. Примечательно, что в оппонирующий дифференциал ценностей у жителей Москвы входят ценности работы, инициативности, традиции, нравственности и жертвенности, в конфликтогенную периферию — властности и своевольности. Согласно результатам многолетних наблюдений, проводимых в ряде регионов России и по стране в целом по методике Н.И. Лапина, зафиксирована высокая устойчивость функционального слоя конфликтогенной периферии, который, как правило, образуют категории «своевольность» и «властность», что «в целом свидетельствует о неоднозначном отношении населения к традиционалистской своевольности и общечеловеческой властности» (Лапин, 2010, с. 31).

Средний балл поддержки всех ценностей — 7,08, общечеловеческих — 7,14. Поддержка современных ценностей значительно превышает поддержку традиционных. Как и в других регионах России, в интегрирующем резерве представлены в большей степени общечеловеческие ценности. Таким образом, как и по результатам многолетних исследований в регионах России, проводимых с 2006 года, в структуре базовых ценностей москвичей зафиксировано «динамичное совмещение трех культурно различных типов ценностей — общечеловеческих, традиционных и современных»⁷.

Распределение ценностей по полу и возрастным группам

При рассмотрении результатов исследования по возрастным группам отмечается, что только у пожилых в интегрирующее ядро вошла одна ценность жизни человека (табл. 2).

⁶ Социокультурный портрет регионов России — 2023: база данных / А.А. Шабунова, Л.А. Беляева, Г.Ф. Ромашкина, Е.А. Когай, А.Н. Тарасова, О.Н. Калачикова, Р.М. Валиахметов, М.М. Юсупов, Ю.С. Маркова, Е.В. Андрианова, Ю.М. Пасовец, М.А. Груздева, А.Н. Гордиевская, М.С. Туракаев. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024623834, 30.08.2024. Заявка № 2024623498 от 15.08.2024.

⁷ Социокультурный портрет регионов России — 2023: база данных / А.А. Шабунова, Л.А. Беляева, Г.Ф. Ромашкина, Е.А. Когай, А.Н. Тарасова, О.Н. Калачикова, Р.М. Валиахметов, М.М. Юсупов, Ю.С. Маркова, Е.В. Андрианова, Ю.М. Пасовец, М.А. Груздева, А.Н. Гордиевская, М.С. Туракаев. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024623834, 30.08.2024. Заявка № 2024623498 от 15.08.2024. С. 670.

У молодежи она находится на втором месте, уступая ценности порядка. И последняя ценность поддерживается в данной возрастной группе больше всего по сравнению со взрослыми и пожилыми. Общительность выше всего оценивается пожилыми, тогда как у молодежи предпочтение отдается благополучию,

у взрослых – независимости. Свобода менее всего важна для пожилых, тогда как семья ими оценивается выше всего по сравнению с молодежью и взрослыми. У молодежи семья вообще оказывается в оппонирующем дифференциале ценностей, то есть не поддерживается значительной долей респондентов.

Таблица 2. Распределение ценностных ориентаций по кластерам (взвешенные средние баллы по 10-балльной шкале)

Кластер	Молодежь		Взрослые		Пожилые		Мужчины		Женщины	
	Ценность	Балл	Ценность	Балл	Ценность	Балл	Ценность	Балл	Ценность	Балл
Интегрирующее ядро	-	-	-	-	Жизнь человека	8,86	-	-	Жизнь человека	9,07
Интегрирующий резерв	Порядок	8,64	Жизнь человека	8,77	Порядок	8,60	Порядок	8,42	Порядок	8,74
	Жизнь человека	8,59	Порядок	8,58	Общительность	8,52	Жизнь человека	8,31	Общительность	8,36
	Благополучие	8,22	Независимость	8,25	Семья	8,36	Общительность	7,96	Независимость	8,30
	Независимость	7,95	Общительность	8,24	Благополучие	8,18	Независимость	7,93	Благополучие	8,06
	Свобода	7,95	Семья	7,99	Независимость	8,15	Благополучие	7,82	Семья	8,04
	Общительность	7,81	Свобода	7,94	Свобода	7,85	-	-	Свобода	8,04
Оппонирующий дифференциал	Работа	7,71	Благополучие	7,70	Традиция	7,79	Свобода	7,77	Работа	7,40
	Семья	7,29	Работа	7,37	Работа	7,19	Семья	7,70	Традиция	7,06
	Инициативность	7,26	Традиция	6,81	Жертвенность	6,85	Работа	7,43	Нравственность	6,86
	Нравственность	6,86	Инициативность	6,80	Инициативность	6,84	Инициативность	7,15	Инициативность	6,76
	Традиция	6,12	Нравственность	6,72	Нравственность	6,60	Традиция	6,61	-	-
	-	-	-	-	-	-	Нравственность	6,56	-	-
	-	-	-	-	-	-	Жертвенность	6,11	-	-
Конфликтотенная периферия	Жертвенность	5,37	Жертвенность	5,94	Властность	3,58	Своевольность	4,42	Жертвенность	5,93
	Властность	4,71	Властность	3,69	Своевольность	3,11	Властность	4,22	Властность	3,73
	Своевольность	4,70	Своевольность	3,53	-	-	-	-	Своевольность	3,22
Средний балл поддержки ценностей										
базовых	7,08		7,02		7,18		7,03		7,11	
общечеловеческих	7,32		7,05		7,11		7,07		7,19	
современных	7,94		7,94		7,92		7,79		8,04	
традиционных	5,87		6,07		6,53		6,21		6,06	
Коэффициент современности / традиционности структуры ценностей										
	1,35		1,31		1,21		1,25		1,33	
Источник: составлено авторами.										

Работа во всех возрастных группах входит в оппозирующий дифференциал, но более всего поддерживается молодежью, как и инициативность и нравственность. Ценности традиции и жертвенности более всего разделяются пожилыми. У молодежи и взрослых жертвенность входит в конфликтогенную периферию ценностей. Молодежь также в значительно большей степени разделяет ценности властности и своевольности, чем взрослые и пожилые. Средний балл поддержки базовых ценностей выше всего у пожилых, ниже всего — у взрослых. Общечеловеческие ценности в большей степени поддерживаются молодежью, традиционные — пожилыми.

Интересен для изучения сравнительный анализ иерархии ценностей женщин и мужчин Москвы. Так, у женщин одна ценность (жизнь человека) входит в интегрирующее ядро. У мужчин в этом кластере нет ни одной ценности. У мужчин ценность порядка находится на первом месте иерархии, у женщин — на втором, хотя они и поддерживают ее гораздо больше, чем женщины. Интересно также, что женщины отдают предпочтение «неженским», по сути, ценностям независимости, благополучия, семьи и свободы (у мужчин последние две ценности вообще находятся в оппозирующем дифференциале).

Для мужчин (ожидаемо) важнее ценность инициативности, а для женщин — нравственности и традиции. Для мужчин важнее жертвенность, тогда как у женщин данная ценность попадает в конфликтогенную периферию. И мужчины гораздо больше, чем женщины, поддерживают ценности конфликтогенной периферии — властность и своевольность.

В итоге средний балл поддержки базовых, общечеловеческих и современных ценностей выше у женщин, тогда как традиционных — у мужчин.

Факторный анализ системы ценностей москвичей

В целях изучения структуры ценностей респондентов был также проведен факторный анализ методом главных компонент с вращением варимакс и нормализацией Кайзера. Вращение факторной матрицы сошло за пять итераций. Каждый извлеченный фактор, отобранный и представленный в матрице, обладает положительной насыщенностью $\geq 0,35$ (табл. 3). Для шкалы ценностей было обнаружено трехфакторное решение, в совокупности составляющее 47,145% дисперсии. Мера адекватности выборки Кайзера — Майера — Олкина (КМО) для представленного решения составила 0,817 при $p < 0,001$.

Таблица 3. Факторная матрица ценностей населения

Вопрос анкеты	Компонент		
	1	2	3
	Индивидуализм	Традиционализм	Волонтаризм
19.4. Свобода человека — это то, без чего его жизнь теряет смысл ($M \pm SD = 7,92 \pm 2,431$)	,679		
19.6. Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами ($M \pm SD = 8,61 \pm 1,93$)	,624		
19.2. Главное в жизни — забота о своем здоровье и благополучии ($M \pm SD = 7,96 \pm 2,24$)	,620		
19.5. Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни ($M \pm SD = 7,42 \pm 2,49$)	,602		
19.9. Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям ($M \pm SD = 8,14 \pm 1,99$)	,601		
19.13. Самое ценное на свете — это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах ($M \pm SD = 8,74 \pm 2,24$)	,448	,397	
19.14. Главное — это уважение к сложившимся обычаям, традициям ($M \pm SD = 6,87 \pm 2,69$)		,743	
19.11. Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя ($M \pm SD = 6,01 \pm 2,94$)		,712	
19.8. Люди и государство должны больше всего заботиться о детях ($M \pm SD = 7,89 \pm 2,24$)		,710	
19.7. В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения ($M \pm SD = 8,19 \pm 2,07$)	,454	,542	
19.10. Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других ($M \pm SD = 3,94 \pm 3,02$)			,774

Окончание таблицы 3

Вопрос анкеты	Компонент		
	1	2	3
	Индивидуализм	Традиционализм	Волюнтаризм
19.3. Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека ($M \pm SD = 3,74 \pm 3,50$)			,687
19.12. Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве ($M \pm SD = 6,93 \pm 2,49$)			,465
19.1. В любых условиях красота делает человека лучше и чище ($M \pm SD = 6,73 \pm 2,90$)			,390
Альфа Кронбаха	,728	,703	,591
% объясненной дисперсии	18,941	15,991	12,213
Средние пунктов	8,140	7,542	5,336
Диапазон пунктов	1,327	2,735	3,185
Дисперсия	,198	1,197	2,988
Источник: рассчитано авторами.			

Первый фактор (18,94% дисперсии) может характеризовать ориентацию на индивидуальные ценности. Второй фактор (15,99% дисперсии) связан с традиционными ценностями. Третий фактор (12,21% дисперсии) соотносится с ориентацией респондентов на ценности власти, доминирования и предприимчивости.

Далее были оценены переменные, которые могут оказывать влияние на определенные ценностные ориентации респондентов. Для этой цели использовался линейный регрессионный

анализ методом наименьших квадратов с пошаговым отбором переменных. Зависимыми переменными в моделях выступали ранее извлеченные факторы, характеризующие ценностно-рефлексивное отношение опрошенных граждан.

Показатели линейной модели, связывающей ориентацию на индивидуалистические ценности с независимыми переменными, представлены в *таблице 4*. Данная модель обладает крайне низким коэффициентом детерминации

Таблица 4. Регрессионная модель оценки взаимосвязи «индивидуалистических» ценностных ориентаций и социального поведения

Модель 1	Нестандартизованные коэффициенты		t	Значимость	Статистика коллинеарности	
	B	Стандартная ошибка			Допуск	VIF
(Константа)	,394	,137	2,885	,004		
8.3. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в менее крупный город/село и жили там	-,144	,027	-5,365	,000	,884	1,132
14. Вы удовлетворены своей работой?	,104	,029	3,584	,000	,992	1,008
9.3. Как Вы считаете, в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит... (от друзей, земляков)?	-,096	,026	-3,705	,000	,888	1,126
8.4. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	,059	,022	2,643	,008	,912	1,097
9.6. Как Вы считаете, в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит... (от общероссийской власти)	,068	,026	2,591	,010	,948	1,055
R	,240					
R-квадрат	,058					
Стандартная ошибка оценки	,976					
Дарбин – Уотсон	1,935					
F	12,964					
p	,000					
Источник: рассчитано авторами.						

($R^2 = 0,058$). В то же время в модели отсутствует мультиколлинеарность переменных ($VIF < 4$), а также наблюдается отсутствие гетероскедастичности из-за отсутствия автокорреляции в остатках модели (Дарбин – Уотсон = 1,935). В целом модель обладает высокой степенью значимости ($p < 0,001$), что свидетельствует о надежности полученного результата.

Отметим особенности некоторых независимых переменных, включенных в модель.

1. Опрошенные не хотели бы, чтобы их дети уехали жить в менее крупные российские города. Они крайне положительно относятся к отъезду их детей за границу для постоянного проживания.

2. Данная группа полагает, что их жизнь сильно зависит от действий российской власти, и в целом для них характерны более оппозиционные настроения. В то же время они не имеют сильных связей со своими близкими друзьями и окружающими, полагая, что улучшение их повседневной жизни никак не зависит от налаживания межличностных отношений.

3. В то же время была выявлена существенная положительная взаимосвязь между высокой

удовлетворенностью всеми аспектами своей работы и индивидуалистскими ценностями.

Показатели линейной модели, связывающей традиционные ценности населения с независимыми переменными, представлены в *таблице 5*. Данная модель обладает существенно большим коэффициентом детерминации ($R^2 = 0,251$) и также высоким уровнем значимости ($p < 0,001$).

Отметим особенности некоторых независимых переменных, включенных в модель.

1. Респонденты с традиционными ценностными ориентациями хотели бы, чтобы их дети продолжили жить в родном городе. Они негативно относятся к идее переезда их детей и родственников за рубеж.

2. Для данной группы характерен высокий уровень религиозности, который значительно усиливает их ориентацию на традиционные российские ценности. Также для них характерен более высокий средний возраст, чем для всех других групп.

3. Они считают, что улучшение их жизни сегодня зависит непосредственно от их межличностных отношений с друзьями и земляками.

Таблица 5. Регрессионная модель оценки взаимосвязи «традиционных» ценностных ориентаций и социального поведения

Модель 2	Нестандартизованные коэффициенты		t	Значимость	Статистика коллинеарности	
	B	Стандартная ошибка			Допуск	VIF
(Константа)	-,645	,176	-3,670	,000		
8.1. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети построили свою жизнь в родном городе – там, где мы живем	,197	,027	7,258	,000	,875	1,143
33. Что Вы можете сказать о своей религиозности?	,216	,027	8,078	,000	,925	1,082
8.4. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	-,132	,021	-6,416	,000	,846	1,182
Возрастные группы (молодежь, взрослые, пожилые)	,224	,038	5,947	,000	,919	1,088
9.3. Как Вы считаете в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит... (от друзей, земляков)	,069	,022	3,098	,002	,948	1,054
R	,501					
R-квадрат	,251					
Стандартная ошибка оценки	,862					
Дарбин – Уотсон	2,044					
F	70,928					
p	,000					
Источник: рассчитано авторами.						

Показатели линейной модели с независимыми переменными, связывающей волюнтаризм и ориентацию на доминирование, представлены в *таблице 6*. Данная модель обладает достаточно низким коэффициентом детерминации ($R^2 = 0,126$) и также высоким уровнем значимости ($p < 0,001$).

Отметим особенности некоторых независимых переменных, включенных в модель.

1. Для данной группы характерна высокая уверенность в своем будущем. Также это, как правило, довольно молодые люди.

2. Эти респонденты считают, что улучшение их жизни в первую очередь зависит от их близкого окружения, что объединяет их с представителями «традиционалистов».

3. Основной особенностью этих респондентов являлось желание любым способом улучшить свое положение и своей семьи за счет возможного переезда детей в другой крупный российский город, но еще лучше – в любое иностранное государство.

Таким образом, по результатам факторного анализа мы выделяем три группы респондентов, у которых доминирующие ценности детерминируют важные ориентиры социального поведения: миграционные установки, приоритеты взаимодействия с социальными акторами, социальное самочувствие, удовлетворенность работой и т. п.

Функционально-ориентирующие кластеры ценностей

Н.И. Лапин выделяет терминальные ценности-цели и инструментальные ценности-средства. К терминальным традиционным ценностям-целям он относит традицию и семью, к общечеловеческим – порядок, благополучие и работу, к современным – жизнь и свободу. Среди инструментальных ценностей также выделяются традиционные (жертвенность и своевольность), общечеловеческие (общительность, нравственность, властность) и современные (независимость и инициативность). Таким образом, согласно методике Н.И. Лапина, три

Таблица 6. Регрессионная модель оценки взаимосвязи «волюнтаристских» ценностных ориентаций и социального поведения

Модель 3	Нестандартизованные коэффициенты		t	Значимость	Статистика коллинеарности	
	B	Стандартная ошибка			Допуск	VIF
(Константа)	-,329	,147	-2,235	,026		
8.4. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	,137	,022	6,102	,000	,842	1,187
11. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?	,122	,026	4,769	,000	,977	1,024
9.3. Как Вы считаете в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит... (от друзей, земляков)	,107	,024	4,363	,000	,921	1,086
Возрастные группы (молодежь, взрослые, пожилые)	-,122	,040	-3,040	,002	,955	1,047
8.2. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в другие крупные города нашей страны и жили там	,066	,026	2,559	,011	,837	1,194
R	,354					
R-квадрат	,126					
Стандартная ошибка оценки	,935					
Дарбин – Уотсон	1,856					
F	30,499					
p	,000					
Источник: рассчитано авторами.						

функционально-ориентирующих кластера теоретически конструируются из четырнадцати изучаемых ценностей – по пять в каждом кластере (при этом ценность «свобода» включена в два кластера) (Лапин, 2010, с. 28). Рассмотрим систему ценностных предпочтений населения Москвы в сферах жизнеобеспечения, регуляции поведения людей, а также коммуникации между человеком и социальными и культурными структурами общества (табл. 7).

Таблица 7. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения Москвы

Ценность	Балл
1. Жизнеобеспечивающий кластер	
Независимость	8,14
Благополучие	7,96
Семья	7,89
Работа	7,41
Инициативность	6,94
2. Институционально-регулятивный кластер	
Порядок	8,61
Свобода	7,91
Традиция	6,86
Властность	3,94
Своевольность	3,74
3. Антропно-коммуникативный кластер	
Жизнь человека	8,74
Общительность	8,19
Свобода	7,91
Нравственность	6,74
Жертвенность	6,01
Источник: составлено авторами.	

Жизнеобеспечивающий кластер включает ценности, имеющие близкое отношение к функциям жизнеобеспечения индивидов и домохозяйств, организаций и поселений, регионов и общества. Парадоксально, но доминантной ценностью данного кластера у москвичей является ценность независимости. Далее следуют благополучие и семья. Парадоксально также, что в динамичном и предоставляющем множество возможностей для профессиональной реализации и инициативы городе ценности работы и инициативности не являются доминантами жизнеобеспечивающего кластера.

Система ценностей институционально-регулятивного кластера населения Москвы аналогична общероссийской. «Такое единообразие свидетельствует о высокой устойчивости иерархии

данного кластера ценностей как результата длительного исторического развития России, учитывающего и трансформационные процессы последних десятилетий. В самом деле, ценность порядка давно сомкнулась в сознании россиян (как, впрочем, и народов многих стран) со следованием традициям, а бунтовщически-революционные события воспринимаются либо как кратковременные всплески, либо как новый порядок, который вскоре станет традиционным. Властность и своевольность также стали в России компонентами политической жизни и бытового поведения – отчасти они конфликтуют между собой, отчасти совмещаются; но при этом большинство населения их отвергает»⁸.

Антропно-коммуникативный кластер населения столицы, как и в других регионах России, предполагает вершиной иерархии ценность «жизнь человека», далее «в качестве непосредственной, ближайшей предпосылки ценность общительности, которая осуществляется прежде всего по нормам свободы, а также жертвенности... и нравственности...»⁹.

Обсуждение результатов

Каковы же причины полученных результатов, характеризующих ценностные ориентиры москвичей? Эти причины, не претендуя на полноту их перечня, так как вопрос нуждается в дальнейшем наблюдении и исследовании, можно условно разделить на три группы: изменения в социокультурном пространстве человечества, всей России и самой столицы.

Отметим, что социокультурное пространство Москвы трансформируется под влиянием процессов глобализации, интернационализации, культурной ассимиляции в контексте интеграции экономической, политической, культурной, духовно-информационной сфер жизни большинства стран мира, возрастающих межкультурных связей, стремительного роста различного вида технологий и коммуникаций, формирования единого для всех информационного пространства (Григорьева, 2011, с. 97).

⁸ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт филологии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ОИИ РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»; сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. Москва: Academia, 2009. 807 с. С. 679.

⁹ Там же. С. 681.

Данное пространство характеризуется наличием аксиоризом — «ценностных формирований, являющихся перерожденной системой и имеющих в своем строении несколько равноправных ценностных векторов-направлений»¹⁰. Аксиоризомы характеризуются неравновесной целостностью, организационным беспорядком, непрерывной подвижностью, ценностным релятивизмом, травматичностью, нелинейностью развития, парадоксальностью, предельно-кризисной социальной рискогенностью, временными смысловыми разрывами, деструкцией смыслов. «В таком обществе вследствие множественности ценностных «корней»-оснований ризомной аксиосферы ценностный релятивизм достигает наивысшей степени, неопределенность приобретает максимальное значение. Кризис характеризуется потерей опорных составляющих и выходом социокультурного пространства за пределы пограничных точек ... Российское социокультурное пространство современности — это пространство перманентного противоборства дезорганизационных и самоорганизационных сил»¹¹. Как подчеркивает Л.А. Цыганова, современный мир становится миром «относительно простых социокультурных идентификаторов, у которых зачастую утрачивается изначальный смысл» (Цыганова, 2022, с. 174).

Ценностные ориентации населения изменяются под влиянием не только унифицирующего воздействия глобализации, но и становления информационного общества, сопровождающегося бурным распространением электронных коммуникаций, в частности интернета. Интернет-среда претендует на роль «нового социокультурного пространства жизни и развития современного человека, сферы самореализации, субъектности, самоосуществления» (Крамаренко, 2016, с. 39). Но манипулятивность, анонимность характера коммуникации в интернете, отсутствие системообразующих факторов в лавинообразных потоках информации приводит к неготовности пользователей к фильтрации информации, ресоциа-

лизации, усиливает тенденции распространения различных форм девиантного поведения, аддикции, вызванных ситуацией аномии в традиционной культуре¹². Это нередко проявляется в амбивалентности, нечеткости моральных установок. Отметим, что в этой ситуации возможна актуализация форм традиционной культуры, связанная с тем, что электронная культура, задающая, как и культура в целом, векторы и смыслы деятельности человека, находится еще в стадии формирования и в ее рамках не предлагаются устойчивые модели идентификации личности. Но одновременно масштабируется электронная экранность, ее включенность в повседневные практики большинства людей, усиливающая информационно-коммуникационную глобализацию (Берлева, 2022). Электронная экранность задает векторы когнитивной деятельности индивида вовне, на визуальные (виртуальные) экранные образы, отвлекая от самопознания, исследования внутреннего мира, выстраивания глубоких межличностных отношений, составляющих основу духовного опыта.

Это ведет к дефициту продуктивных увлечений и интересов, с одной стороны, а с другой — к противоречиям «между ценностями социума, диктуемыми современными темпами экономического развития, и недостаточной интернализацией общезначимых ценностей»¹³, между целями и стратегиями достижения цели, между приверженностью ценностям удовольствий, пассивно-развлекательных видов деятельности и ценностям усилий и достижений¹⁴. Приверженность к данным целям является одной

¹⁰ Шакирова Е.Ю. (2015). Аксиологический ризоморфизм современного социокультурного пространства: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Специальность 09.00.11 — социальная философия. Уфа. 43 с. С. 11.

¹¹ Там же. С. 11–13.

¹² Шамыкина В.М. (2012). Управленческие взаимодействия в социоинформационной блогосфере: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Специальность 22.00.08 — социология управления. Москва. 22 с.

¹³ Махиянова А.В. (2013). Социализация личности в современных условиях: интернализационный дисбаланс и пути его преодоления (на материалах Республики Татарстан): автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Специальность 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы. Саранск. 43 с.

¹⁴ Пшишок А.А. (2012). Норма и девиация в молодежной субкультуре: проблемы социализации в современной России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Специальность 22.00.06 — социология культуры. Майкоп. 25 с. URL: <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/norma-i-deviacija-v-molodezhnoj-subkulture-problemy-socializacii-v-sovremennoj.html>

из причин того, что по результатам исследований не только в Москве, но и в других регионах России категория «нравственность» в системе ценностных ориентаций населения занимает неустойчивое положение, находясь на нижней границе между оппонирующим дифференциалом и конфликтогенной периферией.

Результаты эмпирического исследования ценностных ориентаций Москвы отражают также характеристики социокультурного пространства России, основными механизмами динамики которого являются «фиксация, конфликтность, интеграция, деактуализация, актуализация» (Храпов, 2016, с. 834). Ценностные ориентации населения изменяются под влиянием институциональных трансформаций в России последних десятилетий, формируя ситуацию аномии в жизни практически целого поколения. Вектор институциональных трансформаций был направлен от коллективизма к индивидуализму, замещению традиционных ценностей западными, индивидуалистическими, от служения обществу и государству — к достижительности и самооценности отдельной личности¹⁵ (Давыдова, 2012; Гуляихин, 2013; Ильин, Морев, 2022). При этом сложности институционального реформирования «обернулись включением обратных социальных механизмов, возвращающих общество к его прошлому. По сути, на территории страны был дан импульс развитию процесса демодернизации, архаизации. Значительные массы людей стихийно, бессознательно стали обращаться к архаическим культурным смыслам и соответствующим социальным практикам» (Когай, 2023, с. 3–4).

В эмпирических исследованиях ценностных ориентаций различных социальных групп, в частности молодежи, современной России стало фиксироваться противоречивое сочетание современных и традиционных ценностей¹⁶

¹⁵ Захаркин Р.А. (2013). Коммуникационная деятельность в структуре социального процесса формирования жизненных ценностей молодежи: на примере Приморского края: дис. ... канд. соц. наук. Специальность 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск. 170 с.

¹⁶ Давыдова М.А. (2012). Влияние электронных медиа на формирование индивидуализма в молодежной среде: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Специальность 22.00.06 — социология культуры. Майкоп. 22 с. URL: <http://edu.of.ru/attach/17/199451.doc>

(Дулина и др., 2015; Когай, 2023). Эклектичность и внутренняя противоречивость системы ценностных ориентаций проявляются в результатах опроса москвичей. Отметим также, что перемещение, согласно результатам нашего исследования, ценности жертвенности у молодежи и взрослых, особенно у женщин, в конфликтогенную периферию может быть опасным симптомом, так как жертвенность является системообразующей компонентой коллективизма, частью национального социокультурного кода.

Социокультурное пространство современного города характеризуют «текучесть, транзитивность, пористость, ритмичность, бессистемность» (Костко, 2021, с. 54). В современном городе как сложной системе одновременно «происходят процессы генерации, концентрации, развития, распада и инновации материально-вещественных и нематериальных элементов воспроизводства жизнедеятельности человека в условиях перманентного риска, конфликтов, столкновения интересов и трансформационных изменений общества, что не может не оказывать влияние на ценностные ориентации горожан» (Костко, 2021, с. 54). В связи с этим, продолжая анализировать причины некоторой слабости ценностных скреп москвичей, отметим, что Москва является не просто крупным городом, а мегаполисом.

Современные мегаполисы характеризуются собственной спецификой социокультурного пространства. Так, по мнению исследователей, мегаполисы являются микрокосмами глобализации, в которых личное взаимодействие между гражданами с космополитической и многокультурной идентичностью происходит в локализованных пространствах. Это порождает множество проблем мегаполисов, к которым относятся приватизация, интенсивное управление с целью максимизации финансовой выгоды, потребительство, экологические проблемы, сегрегация населения и экономическое неравенство (Ghahremani et al., 2021; Houshmand et al., 2026). Изменения в пространстве современного мегаполиса настолько динамичны, разнообразны, сложны и пространственно расширены, что исследователи считают его совершенно новым явлением (Ford, 1965; Barnes, 2002; Bourdeau-Lepage, Huriot, 2005; Akubue, 2019; Hussaini, Hussaini, 2023; Garau,

Frankhauser, 2026). Случайность становится повседневным способом существования, а туристификация и постцифровые преобразования превращают город в пространство фантазмагорий и стремления к более осмысленному существованию (Han, 2026; Jansson et al., 2026).

Мегаполисы трансформируются в особые механизмы получения прибыли, причем прибыль сосредоточена в сфере услуг (Vrenner et al., 2009). Это город потребления и потребителей, а не производства и производителей. А.Г. Голова отмечает, что доход и потребление становятся смыслом жизни обитателя мегаполиса, по мере того как город отказывается от созидательной миссии и становится центром утилизации массы продуктов, производимых вне его пространств: «Эта деструктивная функция отражается на его жителях, формируется особый тип личности, активно включенной в потребление товаров или услуг. Потребление становится и формой самореализации, и формой конструирования своей идентичности, и формой досуга, и формой коммуникации... Появился формат магазинов ретейлтейнмент (от английских слов retail — розница и entertainment — развлечение) ... В итоге объемы продаж в торгово-развлекательных центрах существенно превышают показатели объектов, лишенных досуговой зоны. Развлечение приходит в образование (edutainment), в спорт (sportainment), в информационное обслуживание (infotainment) и т. д. В городе частота взаимодействий заменяет глубину отношений. В результате отношения людей формализуются и обезличиваются, разрушаются традиционные социальные связи. Эта тенденция выгодна потребителю рынку. По разным данным, одинокие люди тратят на продукты питания, одежду, средства по уходу и лекарства на 20–30% больше, чем семейные. Не связанные семейными узами люди более социально активны, у них нет отложенного спроса, они много тратят на развлечения» (Голова, 2013).

Современный мегаполис утрачивает черты полиса как пространства общего дела. Среда второй природы в мегаполисе преобладает над первой (уничтожаются, например, природные естественные зоны и заменяются парками, парки — клумбами и т. п.). Преобладание искусственной, техногенной среды приводит к

смещению фокусов существования личности — от «быть» к «казаться», то есть перформативности, имиджевости, формированию новых (зачастую экстремальных) типов телесности как попытке обретения смысла жизни в городских джунглях. Исследователь Е.А. Иваненко так трактует это явление: «Если полис — среда порядка, то мегаполис — это среда избытка. Мегаполис в этом смысле действительно подобен Левиафану, который хаотичен, стихийен ... Правда, этот Левиафан такое чудовище, которое снабжено «дружественным интерфейсом», а проглоченные им Ионы не спешат покинуть его вполне комфортабельное нутро, подчиняясь его притяжению, адаптируясь сами под эту среду обитания» (Иваненко и др., 2009, с. 37–38).

Модель гипермаркета или ресторана фаст-фуда, по мнению Ю.А. Ланкинен, становится моделью новых социальных отношений, сокращающей время и усилия на удовлетворение каких-либо потребностей, ориентированной на калькуляцию денег, времени и усилий, предсказуемость, «контроль над людьми посредством гуманизированных технологий — табличек, указателей, барьеров, предназначенных для упорядочивания очередей, фиксированных меню, ограничивающих выбор, и т. п.» (Ланкинен, 2009, с. 161–162). Возможно, поэтому для молодежи Москвы ценность порядка несколько важнее, чем для взрослых и пожилых.

Социокультурное пространство Москвы можно также рассматривать в двух аспектах — как пространство столицы, точки отсчета пространства страны, и как собственное пространство. Как пространство столицы Москва рассматривалась в качестве ровесницы национального государства, национального духовного центра (Вершинина, Полякова, 2014, с. 123); «в образе исконного, благочинного, сердечного города, дома для каждого русского человека, ... узла, в котором скрещены все живые нервы страны, где сходятся помыслы, упования, надежды всего трудящегося человечества, где живет и работает мозг партии, как писали в газетах». Далее исследователь подчеркивает особую миссию города: «Вышка всемирной истории» — Москва стала символом нового мира, боевым кличем пролетариата, борющегося под руководством великого Сталина за победу социализма. Столица СССР олицетворяла собой

город будущего, город счастья и изобилия, плодородия и жизнерадостности. Монументальность сталинской архитектуры и ритуальность советской песни – все посвящалось „матушке-Москве”»; (Баяндина, 2009, с. 51, 53).

В плане собственного пространства Москва может рассматриваться как естественная монополия, «по размеру своего бюджета и по значению в политике и экономике России Москва схожая с «Газпромом», ... привилегированный регион и один из многих элементов властной вертикали» (Баяндина 2009, с. 53). Ряд ученых характеризует российскую столицу как глобальный город, один из таких городов, которые придут на смену столицам национальных государств (Isolde, Rudolph, 2004). «Современный этап развития Москвы – это процесс дальнейшего практически бесконтрольного роста населения, „мигрантизации” населения и появление сопутствующих этому процессу социальных проблем, требующих специального изучения. Среди них и структура современной московской иммиграции, и изменение социальной дифференциации населения, и рост среднего класса, и расширение низшего (за счет мигрантов и пенсионеров), и сложности социального обеспечения населения, и транспортные проблемы, и проблемы коммунального хозяйства, а также проблемы системы образования и культуры. И это далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивается такой древний и такой современный мегаполис, как Москва» (Вершинина, Полякова, 2014, с. 129).

М.Г. Анохин и Д.С. Чумаков считают, что эпоха и идеология постмодернизма предполагают появление новых акторов, субъектов общественной жизни, в том числе и политической, к которым они относят связанные друг с другом политически, экономически и организационно глобальные города: «Среди них выделяются, главным образом, столичные мегаполисы стран так называемой большой двадцатки (G-20), которые являются определяющими центрами глобализационных процессов и формируют общемировую сеть международного сотрудничества в экономической, политической, социальной и духовной сферах. Вместе с этим современные мегаполисы являются и центрами международного соперничества

и даже конфронтации» (Анохин, Чумаков, 2014, с. 8). Москву, сосредоточившую по разным оценкам в своих руках более 75% финансовых потоков страны, данные исследователи сопоставляют, как и другие глобальные города, с крупной транснациональной корпорацией (ТНК): «Именно решению стоящих перед московским мегаполисом проблем подчинена его социально-политическая деятельность на российской и международной арене. Будучи одновременно субъектом РФ, территориальной группой интересов и политическим актором, Москва стремится к повышению своей значимости в принятии и реализации политических решений на всех уровнях, как внутри страны, так и за ее пределами. В связи с этим сегодня столица России активно работает над увеличением своего политического веса и авторитета, созданием позитивного международного имиджа, привлечением и накоплением политического и финансового капитала. Все это должно быть во многом подчинено одной цели – улучшению жизни людей, живущих на территории московского мегаполиса» (Анохин, Чумаков, 2014, с. 6, 10).

Заключение

Таким образом, результаты исследования ценностных ориентаций москвичей выявляют некоторую степень разобщенности морально-нравственных скреп по полу, возрасту, доминирующим ценностным установкам, детерминирующим ориентиры социального поведения. В определенной степени данные результаты детерминированы унифицирующим воздействием глобализации, стремительным развитием альтернативных реальному миру виртуальных медиатизированных пространств, наполненных аксиоризомами, потребительством и культом сиюминутных прихотей, удовольствий.

Состояние социокультурного пространства столичного мегаполиса, дифференцированное по ценностным основаниям, является также отражением процесса дифференциации российского общества в условиях формирования национальной идеи, поиска идеологических оснований и целей развития России как государства-цивилизации. Ценности перестают наполняться глубинными смыслами, становятся симулякрами, либо трактуются представителями различными групп по-разному. У части

населения приоритетом жизни является выживание, а если не выживание, то потребление, слабо выражено представление о взаимосвязи коллективизма, нравственности с гармоничным существованием.

Требуется дальнейшее укрепление морально-нравственных устоев всего российского общества, особенно жителей ее столицы – Москвы,

с тем чтобы формировать гражданина, а не потребителя. В условиях острого геополитического противостояния столица должна вернуться к роли духовного центра стяжения Земли русской, а не быть олицетворением Вавилонской башни, в которой люди не только не понимают друг друга, но даже обоюднo враждебно настроены.

Литература

- Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. (2024). Социальный капитал: доверие и общественное участие (на примере Тюменской области) // Социологические исследования. № 8. С. 146–154.
- Адамченко С.В. (2011). Западноевропейский средневековый город как социокультурное пространство // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. № 11. С. 4–8.
- Андрианова Е.В. (2024). Качество жизни в оценках жителей Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 10. № 3 (39). С. 111–128. DOI: 10.21684/2411-7897-2024-10-3-111-128
- Анохин М.Г., Чумаков Д.С. (2014). Московский мегаполис в современном российском и мировом политическом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Политология. № 2. С. 5–10.
- Баяндина Е.Д. (2009). Москва – глобальный город и столица России: тенденции развития и трансформационные перспективы // Вестник Пермского университета. Политология. Вып. 2 (6). С. 47–58.
- Берлева И.Н. (2022). Интеграция экранности в социокультурное пространство: культурфилософская аналитика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Т. 11. № 5–1. С. 257–263.
- Бернюкевич Т.В. (2022) Социокультурное пространство города: от метафизики города до исследования городских практик // Общество: философия, история, культура. № 7 (99). С. 13–17.
- Валиахметов Р.М., Туракаев М.С. (2024). Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 4. С. 629–644.
- Вершинина И.А., Полякова Н.Л. (2014). Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. № 4. С.122–137.
- Гаврилина Т.О. (2019). Социокультурное пространство города: структура, функции // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 2 (59). С. 26.
- Голова А.Г. (2013). Мегаполис: обитель потребителя // Человек. № 1. С. 63–69.
- Григорьева Е.Н. (2011). Современное социокультурное пространство: социальный аспект // Международный журнал экспериментального образования. № 5. С. 97–98.
- Груздева М.А., Жданова А.Э. (2024). Молодежь региона: динамика социокультурных характеристик // Социальное пространство. Т. 10. № 3. URL: <http://sa.volnc.ru/article/30096?info=references>
- Груздева М.А., Соколова А.А. (2023). Социокультурные характеристики региона в периоды нестабильности // Устойчивое развитие города и региона: социальные и социологические проблемы: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 1–3 ноября 2022 года, г. Череповец. С. 244–253.
- Гуляихин В.Н. (2013). Вхождение российской молодежи в общественно-правовую жизнь: роль правовой социализации // NB: Вопросы права и политики. № 11. С. 88–104. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_9698
- Дулина Н.В., Овчар Н.А., Токарев В.В. (2015). Глобализация в масштабах отдельно взятого региона // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвузовский сборник научных статей. № 2 (155). Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 20. С. 59.
- Захарова В.И. (2017). Социокультурное пространство города: управленческий аспект // Научное отражение. № 3 (7). С. 22–23.
- Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В. (2009). Мегаполис: Левиафан с человеческим лицом // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. № 1 (5). С. 37–47.

- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). На пути к преодолению внутреннего рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 9–31. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.1
- Когай Е.А. (2023). Новации и традиции в ценностном поле российской культуры // Роль философских дисциплин в формировании цивилизационной идентичности на основе российских традиционных ценностей: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, 24 мая 2023 года, г. Москва. С. 51–58.
- Когай Е.А. (2024а). Социальное благополучие населения в социологическом измерении // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск. С. 287–290.
- Когай Е.А. (2024б). Счастье и социальное благополучие в региональном измерении // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики: сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. Курск. С. 206–209.
- Колинько И.В. (2007). Социокультурное пространство как концептуальное и категориальное понятие современных общественных наук // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 2. С. 63–65.
- Костко Н.А. (2021). Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта // Siberian Socium. Т. 5. № 3 (17). С. 52–68. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-52-68
- Крамаренко Н.С. (2016). Интернет как социокультурное пространство жизни и развития человека // Педагогика. № 3. С. 39–46.
- Ланкин Ю.А. (2009). Торгово-развлекательные комплексы в социокультурном пространстве крупного города // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (42). С. 160–167.
- Лапин Н.И., Беяева Л.П. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России». Москва: ИФ РАН. 135 с.
- Лапин Н.И. (2010). Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. № 1. С. 28–36.
- Литвиненко Л.Л. (2003). Социокультурное пространство непрерывного образования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4. С. 65–69.
- Любченко В.С. (2021). Социокультурное пространство современного общества: генезис и основные характеристики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 14. № 6. С. 237–245.
- Мажитова А.Р. (2011). Влияние глобализации на социокультурную сферу Республики Башкортостан // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», 12–15 октября 2011 г., г. Казань. Казань: КНИТУ. С. 311–317.
- Маркова Ю.С., Плотникова Е.Б., Соловьев С.С. (2025). Систематическая визуализация индексов ценностной консолидации жителей регионов России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 11. № 2 (42). С. 19–41.
- Постников С.П. (2008). Социокультурное пространство города в историческом измерении // Уральский исторический вестник. № 1 (18). С. 4–7.
- Сайко Э.В. (2001). Введение. Город как феномен социокультурного развития // Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. Москва. С. 3–24.
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. (2025). Территориальная идентичность и миграционные настроения жителей Вологодской области // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 5. № 2. С. 138–156. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.9
- Храпов С.А. (2016). Социокультурное пространство постсоветской России: категория, феномен, механизмы динамики // Философия и культура. № 6 (102). С. 834–841.
- Цыганова Л.А. (2022). Памятник и социокультурное пространство: коммуникационный аспект // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. № 6 (60). С. 174–181.
- Шакирова Е.Ю. (2013). Социокультурное пространство современности: основные характеристики // Культура. Духовность. Общество. № 7. С. 174–181.
- Akubue J. (2019). Challenges of mega cities. *Modern Economy*, 10(09), 2031–2050. DOI: <https://doi.org/10.4236/me.2019.109128>

- Barnes P. (2002). Approaches to community safety: Risk perception and social meaning. *Australian Journal of Emergency Management*, 17(1), 15–23. DOI: <https://search.informit.org/doi/10.3316/informit.370758269308829>
- Bourdeau-Lepage L., Huriot J.-M. (2005). The metropolis in retrospect from the trading metropolis to the global metropolis. *Laboratoire d'Erconomie et de Gestion (LEG) UMR CNRS*, 5118, 257–285.
- Brenner N., Marcuse P., Mayer M. (2009). Cities for people, not for profit. *City*, 13(2-3), 176–184. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604810903020548>
- Ford J.B. (1965). The challenge of the megalopolis. *The International Migration Digest*, 2(1), 41–51. DOI: <https://doi.org/10.2307/3002979>
- Garau C., Frankhauser P. (2026). Fractalopolis: A multi-scale scenario-modelling approach for evaluating master plans and rebalancing metropolitan hierarchy. *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. DOI: <https://doi.org/10.1177/23998083261460673>
- Ghahremani H., Bajestani S.A., McCarthy L., Jalalianhosseini M. (2021). Transformation of urban spaces within cities in the context of globalization and urban competitiveness. *Journal of Urban Planning and Development*, 147(3). DOI: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)UP.1943-5444.0000703](https://doi.org/10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000703)
- Han Y. (2026). Countdown city: Contingency as urban condition, hustle as exit, and everyday crisis in Seoul. *City*, 30(1-2), 455–471. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2025.2569971>
- Houshmand Nanehkaran A., Samadzadeh R., Masoumi M.T. (2026). New urbanism in Ardabil City, Iran. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, 19(2), 493–517. DOI: <https://doi.org/10.1080/17549175.2023.2278444>
- Hussaini W., Hussaini S.G. (2023). Risks of a megacity. *Journal of Survey in Fisheries Sciences*, 10(1), 1576–1588. DOI: <https://doi.org/10.53555/sfs.v10i1.2414>
- Isolde B., Rudolph R. (2004). Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas. *Area*, 36(1), 69–80. DOI: <http://www.jstor.org/stable/20004359>
- Jansson A., Fast K., Andersson M. (2026) The touristification of work in the post-digital city: A new structure of feeling? *City, Culture and Society*. DOI: 10.1016/j.ccs.2026.100720
- Mohamed A.A. (2026). Space syntax after Hillier: Reclaiming theory in the age of data. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*. DOI: 10.1080/17549175.2026.2665174

Сведения об авторах

Екатерина Владимировна Каргаполова – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: K474671@list.ru)

Андрей Петрович Кошкин – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Koshkin.AP@rea.ru)

Андрей Вадимович Новиков – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Novikov.AV@rea.ru)

Kargapolova E.V., Koshkin A.P., Novikov A.V.

The Socio-Cultural Space of a Capital Megalopolis in the Residents' Value Orientations

Abstract. The aim of the study is to analyze the population's value system as an indicator of the socio-cultural space of a capital megalopolis – a space that reflects the dynamic, and often polarizing, vectors of global transformation. The principal research method is a survey of Moscow residents based on the standard methodology “The Sociocultural Evolution of Russia and Its Regions”. The scientific novelty lies in identifying the degree of fragmentation of Muscovites' moral bonds. This fragmentation manifests

itself, above all, in the lack of a widely shared value base and in the blurred nature of any integrating axiological core. The paper traces both common and distinctive features in the value structures of the capital's residents across socio-demographic characteristics such as gender and age. The data obtained for Moscow are compared with the findings of analogous studies of value systems conducted in other Russian regions using the same methodology. Based on the dominant value attitudes that shape the vectors of social behavior – such as migration intentions, social well-being, job satisfaction, and interaction priorities – three groups of respondents are identified: “individualists”, “traditionalists”, and “voluntarists”. The empirical results are further distributed and analyzed across functionally orienting value clusters. An attempt is made to uncover the reasons behind the findings, which include the homogenizing impact of globalization and the rapid development of virtual, mediatized spaces – alternatives to the real world, replete with axiorhizomes, consumerism, and the cult of pleasure. The authors' own position on the issue is also articulated. Its essence is that the preservation of Moscow's role as a global city, a center of consumption and consumerism – a “Tower of Babel” – runs counter to the task of restoring the capital's role as the spiritual heart of the country. In the context of Russia's development as a civilization-state, the moral foundations of all Russian society, and especially of the capital's residents, need to be further strengthened.

Key words: socio-cultural space, values, megalopolis, capital, global transformation.

Information about the Authors

Ekaterina V. Kargapolova – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, professor of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: K474671@list.ru)

Andrey P. Koshkin – Doctor of Sciences (Political Science), Professor, head of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: Koshkin.AP@rea.ru)

Andrey V. Novikov – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: Novikov.AV@rea.ru)

Статья поступила 13.03.2026.